Берегитесь братья мои священники!

Беседа митрополита Сурожского Антония с корреспондентом журнала «Церковь и время»[1]

- Владыко, как Вы оцениваете определение Священного Синода от 29 декабря 1998 года, посвященное «участившимся случаям злоупотреблении в духовнической практике, негативно сказывающимся на состоянии церковной жизни»?

- Значение этого документа трудно переоценить. Давно пора было такой документ написать. И главное, недостаточно удовольствоваться просто призывом к людям безответственным или греховно настроенным, или обезумевшим от своего «величия», связанного с саном, - надо принимать какие-то меры. Это определение совершенно справедливое и нужное, но я думаю, что за ним должны бы следовать действия. Духовники, которые своими поступками разрушают церковную жизнь, разрушают человеческие души или вносят соблазн в среду своих духовных чад, должны бы подвергнуться строгим дисциплинарным мерам. Некоторых следовало бы просто лишить права исповедовать, оставив за ними только право совершать Божественную Литургию; никакого духовного руководства они не должны никому предлагать. В случае же нарушения такого правила они должны быть окончательно запрещены в служении, потому что здесь речь идет не о том, как духовник ведет свою работу, а о том, как он строит или разрушает чужие души.

Поэтому определение Синода своевременно и очень важно, хотя оно могло быть и более резким, но за ним должны следовать дисциплинарные меры по отношению ко всякому священнику или епископу, который разрушает человеческие души, - каков бы ни был его уровень или сан. Речь не идет о том, чтобы он разрушал Церковь как таковую. Церковь - купина неопалимая, никто ее пламени не погасит; но люди могут погибнуть от таких духовников.

- Определение Синода в церковных кругах окрестили «определением по младостарчеству». Хорошо известны Ваши высказывания об этом явлении. Какой смысл вкладываете Вы в это понятие? Имеется ли в виду молодой возраст или духовная незрелость пусть даже и весьма пожилого священнослужителя, претендующего на роль старца?

- Конечно, речь не идет о том, чтобы различать между молодыми или старыми безумцами. Речь идет здесь о том, чтобы по возможности оценить духовную зрелость человека, его способность быть руководителем для человека. Старец - это не просто человек, который долго занимался пастырской работой и приобрел какой-то навык или опытность; старец в настоящем смысле - это нечто иное, это благодатное состояние. Старцев не «выделывают», старцы силой Святого Духа рождаются; и если говорить о том, что характеризует старца, то я скажу коротко и о том, каково место старчества по отношению к обычному священству.

Мне кажется, что есть в духовничестве три степени. Есть приходской священник, роль которого - совершать таинства Церкви. Он может не быть хорошим проповедником, он может не давать никаких советов на исповеди, он может ничем не проявлять себя в пастырском отношении. Достаточно того, что он совершает Божественную литургию, если только он помнит, что чудо Божественной литургии или других таинств совершается Господом. В Литургии ясно нам указано, что Христос является единственным Тайно-совершителем и что только Дух Святой - та Божественная сила, которая может из обыкновенного хлеба и вина сотворить Тело и Кровь Христовы. Это надо помнить нам, священникам. Мы произносим слова, но действие совершается Христом и Святым Духом.

Мне вспоминается один молодой священник, который как-то, приступая к Литургии, вдруг почувствовал, что он не в состоянии совершить это таинство, что ему слишком страшно, что он не может его совершить. Он сказал: *«Господи, что мне делать?!»* И в тот же момент почувствовал, как между ним и престолом Кто-то встал, так что ему пришлось отступить назад. И в течение всей Литургии он произносил слова, которые предписано священнику произносить,

[1] См.: Церковь и время. №2 1999 г.

и знал, что Совершитель литургии - Сам Христос, Который стоял между престолом и им. Это должен бы если не испытать (потому что это чудо, которое не всякому дано), то по крайней мере понимать каждый священник. В молитве на Литургии священник говорит Христу: *«Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш»...* Поэтому любой священник, если он «благоговейный, чистый в своей жизни» если он устремлен к совершению своего христианского подвига и священнического служения, приемлем и может быть принят Церковью и людьми.

Но это не значит, что ему дано право или возможность руководить другими людьми. Рукоположение не дает человеку ни ума, ни учености, ни опытности, ни духовного возраста. Оно дает ему страшное право стоять перед престолом Божиим там, где только Христос имеет право стоять. Он в каком-то смысле икона, но он не должен воображать, будто он святыня. Я вспоминаю, как в Московской духовной академии, после моей беседы о священстве, один студент спросил: *«Как же совместить то, что вы сказали о человеческой слабости священника, с тем, что нам говорят, что священник - это икона?»* Я ему ответил (может быть, слишком резко): *«А ты знаешь, что такое икона? Это доска с красками и линиями. И пока эта доска не освящена, она просто дерево и краски. Но даже после того как она освящена, она делается святыней для того, кто стоит перед ней, тем, что она включена в тайну церковной святости. И человек в ней может видеть икону в полном смысле слова, если только сумеет не линии и краски видеть, а через них, как перед прозрачным стеклом, стоять перед ликом Христа Спасителя, Божией Матери».* Это очень важно нам помнить: что икона в каком-то смысле должна стать для нас прозрачной, мы должны научиться стоять перед иконой и уже не икону видеть, а сознавать присутствие Спасителя. Святой Иоанн Златоуст говорит в одном из своих писаний, что, когда ты хочешь помолиться, стань перед иконой, закрой глаза и молись Богу... Казалось бы, почему стать перед иконой для того, чтобы закрыть глаза? Потому что только глазами веры, глазами духа мы можем войти в общение сквозь икону, даже не «через», а сквозь икону, со Христом, с Божией Матерью, с святыми, которые изображены на ней.

И вот молодой священник должен помнить, что да, он икона, но он только тогда станет в полном смысле иконой, а не намалеванной доской, когда благодатью Святого Духа через него будет светиться свет Христов, когда люди, глядя на него, уже не будут его видеть, а будут сквозь него видеть Христа. Есть место в писаниях старца Силуана: он однажды смотрел, как исповедовал один из духовников Афонского монастыря, старик с длинной бородой и седыми волосами. И когда он молился над исповедующимся, Силуан вдруг его увидел как сияющего юношу, как Христа. Этот человек превратился в полном смысле слова в икону - на то время, которое было посвящено тайнодействию, совершаемому Христом и Духом Святым.

Это положение простого, нормального приходского священника. Сверх совершения таинств, он может говорить проповеди. Он может, с одной стороны, учиться у древних или у современных проповедников; он может, если он честен и не старается казаться людям больше, чем он есть, совершено откровенно и искренне делиться с ними тем, что у него на душе, - не лирической болтовней, а тем, что ему было дано пережить, когда он читал Евангелие.

Я могу рассказать позорный случай из моей жизни о том, как я читал Евангелие на Литургии и чувствовал, что читаю эти слова, их понимаю, но до души моей они сейчас не доходят, они, как об стену, ударяются и отскакивают. Я подумал: как же я могу сказать проповедь?.. И когда пришло время для проповеди, я вышел и сказал примерно следующее: *«Вот что со мной сегодня случилось. Я читал вслух Евангелие. Спаситель Христос со мной лично говорил, Он обращался ко мне со Своим словом, а единственное, что я мог Ему ответить, это: Твои слова до меня не доходят, они сегодня для меня пустой звук... Какой ужас!... Но подумайте сами о себе (сказал я прихожанам): когда читается Евангелие в церкви или когда вы его читаете дома, можете ли вы сказать, что каждый раз слова евангельские, слова, которые Спаситель Христос обращает лично к вам, ударяют в вашу душу, потрясают ее до глубин, зажигают в ней какой-то свет, новую жизнь вам дают? А если нет, то вы оказываетесь в том положении, в котором оказался я, только мое положение более страшное, потому что Христос меня поставил возвещать вам истину Его, а я сегодня не смог Его слов услышать. Простите меня, помолитесь обо мне и подумайте о себе. Аминь!»* Вот проповедь, которую я тогда сказал, которая была правдой, искренностью; и я думаю, что люди были этим, с одной стороны,

потрясены, а с другой стороны - чему-то научены. Я мог бы от ума, от какой-то небольшой начитанности им дать комментарий на этот отрывок Евангелия, но это было бы неправдой, это - был бы «кимвал звучащий». Поэтому я думаю, что и молодой священник может делиться своим. Если он скажет то, что сам пережил во время чтения Евангелия, если он глубоко это воспринял, как бы ни были просты его слова, они дойдут.

Есть другая степень. Это священник опытнее или старше, который более научен и призван давать наставления другому человеку о том, как идти от земли на небо. И этот священник должен быть предельно осторожен. Знаете, когда вы уходите в горы, вы выбираете себе проводника, который ходил туда, куда вы хотите прийти, и живым вернулся оттуда, а не погиб на пути. Вот таков должен быть духовник в полном смысле этого слова. Он не должен говорить того, чего он опытно не пережил или чего он как-то своим нутром не знает. Мы приходим к духовнику с тем, чтобы встретить проводника до дверей Царства Божия. Но если он сам там не бывал, он нам ничего не может дать. Об этом должен задумываться каждый духовник, каждый священник, к которому приходят люди на исповедь. Можно ли сказать, что каждый священник имеет в себе способность каждому человеку сказать то, что ему нужно? Нет. Бывает так, что исповедующий священник или просто священник, к которому пришел человек на духовную беседу, слышит его, понимает то, что говорится, но ответа у него нет. В таком случае священник должен быть честен и сказать своему духовному чаду: *«Все, что ты мне сказал, я понимаю, но ответа у меня для тебя нет. Я буду молиться о тебе. И ты молись, попроси Бога о том, чтобы Он мне простил то, что по своей неопытности я не могу тебе и Ему послужить в этой встрече, но я тебе не могу сказать ничего».* Я часто вспоминаю рассказ из жизни святого Амвросия Оптинского о том, как он отказался дать от ума ответ на духовные нужды двух людей, потому что на его молитву о просветлении Божия Матерь не отвечала.

Порой бывает иначе: ты слышишь беседу, исповедь или разговор, который с тобой ведет верующий, и у тебя нет такого ответа, который был бы только для него, как мы видим в Евангелии: Христос дает ответ одному человеку, а слушают разные люди. Одни воспринимают, потому что они на уровне того человека; другие не воспринимают, потому что им это все чуждо, качают головой и говорят друг другу: о чем же Он говорит? что за непонятные объяснения Он дает на непонятный вопрос?... И вот бывает так, что мы слышим и понимаем, но у нас в опыте нет ответа, и озарением Святого Духа мы тоже не можем дать ответ, который шел бы прямо от Бога. Тогда мы можем сказать исповедующемуся: «У меня нет ответа, который обращен к тебе лично, но я тебе могу сказать, что в Евангелии или у Отцов я вычитал, что, как мне кажется, относится к тому, что ты говоришь», и процитировать слова Христа, слова того или иного святого.

Я помню один случай, который меня потряс. К нам в маленький храм в Париже ходил один священник, который не служил никогда, потому что он тяжело пьянствовал. Он приходил в храм с глубоким покаянием, с сердцем сокрушенным, и я его ставил в угол и становился перед ним с тем, чтобы, если он упадет, он упал бы на меня и никто этого не заметил. А потом, в какой-то момент во время немецкой оккупации, нашего приходского священника арестовали, и заменил его тот священник, который обычно не мог служить, потому что не был трезв. Тут он опомнился и стал служить; и служил со слезами, с глубиной, которая потрясала наши души. Я раз к нему пришел на исповедь, открыл ему свою душу, и он стоял рядом со мной и надо мною плакал - не пьяными слезами, а плакал слезами сострадания и понимания. Когда я кончил свою исповедь, он мне сказал: *«Ты знаешь, что я за человек; я недостоин ни слышать твою исповедь, ни давать тебе совет. Но ты молод, у тебя вся жизнь впереди, опомнись, не стань, каким я стал, и для этого я тебе скажу, что Христос тебе сказал бы в Евангелии...».* И он мне процитировал несколько слов Спасителя Христа. Это была одна из самых потрясающих исповедей, которые я пережил. Этот человек дошел до дна в своем покаянии и из этих глубин мог родить во мне покаяние, мог дать совет, - совет, взятый из его собственной трагической жизни, но освященный словами и учением Христа. Это второй пример того, как можно исповедовать.

А есть еще третий уровень. Это старчество, уровень тех людей, которые, говоря образно, почти всю дорогу прошли до дверей Царства Небесного, может быть, не вошли в него, а может, допущены были в него, но были посланы обратно, на землю, к нам, чтобы нас вести в это

Царство. Вот это старец. Это человек, который весь путь прошел до глубин своей души, дошел до того места, где запечатлен образ Божий в нем, и который может говорить из этих глубин.

Но старцем самого себя не сделаешь, и, если можно так выразиться, старцами не рождаются. Это люди, которых коснется благодать Святого Духа и которые отзовутся на нее и будут верными, - верными тому, чему учит нас Христос, и верными тому, что говорит Дух Святой в их душах. Старцы - явление редкое. И когда речь идет о старчестве, о священстве, о «младостарчестве», мы должны помнить, что речь не идет о возрасте телесном, о том, седая ли у тебя борода или еще русые локоны, а о том, до какой глубины тебя увлек Святой Дух, чему ты научился и что ты можешь сказать. Причем старец не обязательно будет давать приказания, он может давать советы, он может давать указания, но должен хранить, беречь нашу свободу, потому что Бог не ищет себе рабов, а ищет Себе детей, братии, сестер: Я не называю вас больше рабами, потому что раб не знает воли Господина своего, а Я вам все сказал... Это духовник должен помнить.

И поэтому каждый из нас, идущих по пути священства, должен постоянно ставить перед собой вопрос: где я стою? являюсь я просто священником - честным, добротным совершителем таинств, способным сказать доброе слово на проповеди, или являюсь человеком с большим опытом, который может поделиться уже и собственным опытом и тем, что узнал от других людей? или в данную минуту - не обязательно все время, но в данную минуту - Дух Святой мне говорит: *«Этому человеку скажи то-то»?*

Я знаю такие случаи в жизни духовников нашего времени, когда человек исповедовался, духовник молился, слушал его исповедь и потом вместо ответа на то, о чем говорил исповедующийся, ему давал ответ на несказанное, на то, что ему Дух Святой открыл о человеке, - не о каких-то особенных грехах, а о тайне его души. Я это знаю из опыта нескольких людей, которые так приходили на исповедь, принося честное покаяние во всем том, что они знали о себе, и которым духовник отвечал на то, чего они о себе еще не знали. Поэтому искать старчества не надо, надо искать того, чтобы быть добросовестным совершителем таинств и человеком, который готов поделиться своей душой с исповедующимся или с приходящим к нему за советом, причем не красуясь, а просто делясь, как мы делимся с другом.

Надо еще помнить, что на исповеди священник - не судья. В коротком обращении, которое священник произносит в начале исповеди, говорится: *«Не усрамись передо мной, я только свидетель, ты говоришь со Христом»...*

Но почему нужен свидетель? Чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить значение слова «свидетель». У этого слова по крайней мере три значения. Представьте себе: вы идете по улице и вдруг видите драку. Подходит полиция и спрашивает: *«Что вы видели?»* Вам совершенно все равно, кто прав, кто виноват, вы просто говорите полицейскому то, что видели. Вы не защищаете одного, не клеймите другого, вы только описываете то, что видели ваши глаза или слышали ваши уши.

Есть другое состояние свидетеля - на суде свидетель за подсудимого или против него: он сделал выбор.

Но есть и свидетель совершенно иного рода - это тот самый близкий нам человек, которого мы приглашаем быть свидетелем на нашем браке, свидетелем при самых таинственных и таинственных случаях нашей жизни, свидетель, которого мы хотим иметь с собой, когда самое дивное или самое страшное совершается с нами. Вот таковым является священник. Он - как друг жениха, который приводит жениха к невесте или невесту к жениху. Он друг Жениха в том смысле, что он присутствует на тайне встречи Бога и кающегося человека. Это самое дивное, что можно себе представить. Бог его приглашает присутствовать при этой глубинной встрече, при этом браке живой души с Живым Богом. И с каким же чувством должен стоять священник! Как он должен понимать, что он только свидетель, - не в том смысле, что он сторонний человек, которому дано видеть что-то, но что он приглашен участвовать в этой тайне брачной встречи... И раз так, то он должен понимать, что встреча происходит между Спасителем и кающимся, что сам он, друг Жениха, приводит кающегося, как невесту, и стоит в изумлении, в благоговении перед этой тайной. Если бы самый неопытный священник так относился к исповеди, то он был бы уже тайносовершителем; а старец только тогда старец, когда он именно так может относиться к человеку - и на исповеди и вне исповеди при всякой встрече.

Я старался ответить на вопрос о том, чем отличается старец от обыкновенного духовника, и так мне хотелось бы сказать громко, на всю Русь: Берегитесь, братья мои, священники! Берегитесь, не принимайте на себя роль, которая не соответствует вашему духовному возрасту, будьте просты! Будьте просто священниками - это уже так много! Человек, который силой благодати Святого Духа может совершить Литургию, может окрестить ребенка, может помазать миром, это не мало, это нечто столь великое!

И надо всегда в этом отношении искать смирения. Не в том смысле, что – «ах, я ничто, я не достоин»... Это все слова; а смирение заключается в том, чтобы смотреть на то, что совершается между Богом и человеком, и понимать, что ты тут ни при чем, что ты не можешь этого создать, что ты не можешь этого сделать и что тебе только дано в трепете, в ужасе, в благоговении присутствовать при этом чуде. Вот здесь начинается, только начинается смирение священника. Что такое смирение - мы не знаем. Те, кто им облагает, его не определяют, а те, у кого его нет, путают смирение с другими переживаниями. Смирение - это такая открытость Богу, такое изумление, такое умиление... И вот если священник в себе воспитывает по отношению не только к Богу, но к каждому человеку, который приходит к нему, такое состояние, то он может стать духовником. Потому что тогда он о себе и помнить не будет, поскольку весь охвачен благоговейным трепетом, любовью, ужасом, ликованием, и во всем этом нет никакого места для того, чтобы он о себе вспомнил; нет уже места ни тщеславию, ни гордыне, ни учености, ничему. Ибо это - тайна любви.

- Давайте обратимся к конкретным случаям, упомянутым в определении Синода от декабря 1999 года. Нередко случается такое: духовник внушает своему духовному чаду, что монашество выше брака, и фактически принуждает его к постригу. В подобной ситуации иногда оказываются выпускники духовных школ, перед которыми стоит выбор: либо вступить в брак, либо стать монахами. Будучи не в силах принять собственное решение, они едут за советом к старцу, и тот говорит им что-то вроде: «Монашество - твои путь; благословляю на постриг».

- Мне кажется, что такое положение настолько уродливо и возмутительно, что надо принимать самые строгие меры к тому, чтобы такое не могло случиться. Потому что и монашество, и брак требуют свободы и зрелости. Свобода, по определению Хомякова, это то состояние, когда человек является полностью самим собой, не жалким изображением того, что он думает о себе или чем - ему кажется - он должен бы быть, а в полном смысле самим собой. Поэтому если человек не знает, принимать ли ему монашество или идти на брак, это значит, что он ни к тому, ни к другому не готов, ни для того, ни для другого не созрел. Я понимаю, что из практических соображений академия и семинария хотят, чтобы выпускники поскорее делались священниками, и поэтому наталкивают их на монашество или на брак. Я помню один случай, когда духовник поставил молодому выпускнику ультиматум: в течение одной недели найти себе невесту и жениться, потому что он хочет представить его к рукоположению. Это ужас, это преступление. Человеку надо дать время и возможность созреть.

Кроме того, это преступление против невесты и против самого молодого человека, который станет священником, потому что на брак надо идти с глубокой подготовкой. Связывать жениха и невесту должна глубокая любовь, благоговейная любовь, такая любовь, которая человеку говорит, что он всю жизнь готов отдать на то, чтобы жить с этим человеком, что в этом его радость, но тоже его восполнение. В идеале в брак надо вступать тогда, когда мы можем сказать, как Адам сказал о Еве: это плоть от плоти моей, это кость от костей моих, это «другое я», alter ego, и так же может невеста посмотреть на жениха. Один из древних отцов говорит: изначально Адам и Ева были одно, едины; и только после падения, когда разбилась чета, один стал ego, а другой alter: кто-то стал «я», а кто-то «он» (или «она»). И надо учить будущих священников тому, что такое брак: что он не ниже монашества, что это таинственный путь, что это образ Христа и Церкви, что это в пределах падшего мира как бы восстановление райского единства постольку, поскольку оно может быть осуществлено в том мире, в котором мы живем. А сказать человеку: «Женись, найди себе невесту, потому что ты мне священником нужен» - это преступление.

То же самое можно сказать и о монашестве. Множество молодых людей, которые принимают монашество для того, чтобы стать священниками, монахами не делаются; они делаются незрелыми безбрачниками. Они безбрачны, потому что брак не совершился, потому что они не созрели для любви или не созрели для того чтобы сказать: да, я ее люблю, люблю глубоко, люблю чисто, люблю так, что могу перед Богом стоять с ней; но я хочу быть только с Богом. В этом падшем мире я не могу по своей слабости, по своей сломанности разделиться. Нет, я хочу быть только с Богом. Но для этого надо созреть.

Всякий юноша в какой-то момент своей жизни может это сказать по неведению, по непониманию, потому что он еще не знает, что значит кого-то полюбить. И надо требовать долгой подготовки для монашества, не формальной подготовки, не дрессировки, а созревания: может ли этот человек жить с Богом, и только с Богом, и изнутри этого общения с Богом совершать свое дело, или нет?.. С практической точки зрения это значит, что многие студенты не будут рукоположены по окончании курса, но они в свое время вырастут в полную меру своего человечества. А иначе слишком часто священники, монахи ли они или женаты, остаются недорослями, благочестивыми, чистыми жизнью, но недорослями в том смысле, что в них две-три струнки звучат, а не весь орган.

Я употребляю этот пример, потому что мне вспоминается один замечательный дьякон, замечательный он был именно по своему духовному свойству. Он родился до революции в нищенской деревне; пяти лет его отдали в монастырь, потому что нечем было кормить дома, и с тех пор до 85-летнего возраста он каждый день участвовал во всех службах. Как-то я с ним на клиросе был. Он пел старческим разбитым голосом, а я читал часть богослужения. И он пел и читал с такой искрометной быстротой, что я не мог даже глазами уследить по книге, что он читает. И когда он кончил, я ему сказал: *«Отче, сегодня вы у меня украли всю службу своим быстрым чтением и пением; а что хуже - вы ее, наверное, украли у себя, потому что вы не могли следить за словами, которые вы произносите с такой быстротой».* Он расплакался: *«Прости меня! Прости меня! Я не подумал о тебе. Но знаешь, я эти песнопения и слова с пятилетнего возраста повторяю каждый день, и теперь мне достаточно взглянуть на книгу, я узнаю слово, и тут словно божественная рука касается струн в моей душе, и вся моя душа, как арфа, поет. Я могу переходить глазами от слова к слову, потому что они запечатлелись в моей душе так, что они поют сами без того, чтобы я в этом участвовал».* Как мне было стыдно!.. И как важно, чтобы, когда мы готовим священника, мы его готовили к тому, чтобы он так мог принимать участие в богослужении, чтобы он так мог относиться к людям, которые вокруг него, слова которых, личность которых, покаяние которых, счастье которых должно бы в священнике родить вот это чудо поющей арфы. Но для этого нужна зрелость. И тут, конечно, практическая проблема для духовной школы. Я не хочу сказать, что мы можем рукополагать только людей, дошедших до полной зрелости. Но мы не можем принуждать людей вступать в путь, о котором они никакого понятия не имеют.

А молодых людей и девушек надо учить тому, чтобы они ходили за советом, но не за указкой, чтобы они пошли к человеку, в котором видят опытность, глубину, с кем они могут поговорить, кому они могут открыть свою душу, чтобы он им помог разобраться в себе самих. Но не к человеку, который с высоты своей гордыни или слепоты им даст приказ, за который они будут расплачиваться в течение всей своей жизни. Да, если считать, что и несовершенный или уродливый брак является как бы мученичеством, который ты несешь ради Христа, можно так повернуть вопрос. Но нам нужны люди расцветшие, люди живые до глубин, которые могут в других родить жизнь; и это - роль священника и роль монаха. Но священник и монах могут это сделать, только если они сами живы, а не являются окаменелостью, мертвым уставом.

Хочу прибавить еще нечто по поводу положения, когда духовник внушает своему духовному чаду, что монашество выше брака, и фактически принуждает его к постригу. Надо было бы очень вдумчиво разобрать этот вопрос. Вдумчиво, потому что идеальное монашество и реальный брак, конечно, несравнимы друг со другом. Человек, который принимает монашество, потому что вся его душа, вся его жизнь, и ум, и тело, и воля принадлежат Единому Богу, и только Ему, конечно, выбирает путь совершенный. Но когда мы говорим о монашестве, каким мы его видим на самом деле: множество монахов, которые собираются в монастырях, живут благочестивой и чистой жизнью, борются за спасение души, это еще не значит, что они

достигли того единства с Богом, которое выше всякого такого единства, которое рождается посредством земной любви, - не привязанности, а именно любви.

В этом отношении есть замечательный отрывок в жизни святого Макария Великого. Он молился о том, чтобы ему было открыто, есть ли кто-нибудь, кто его может научить большему совершенству, чем то, которому он научился в пустыне. Ему было велено пойти в соседний город, разыскать одного ремесленника и узнать, как он живет. Макарий пошел. Оказалось, что ремесленник - простой рабочий, который живет с семьей и ничем особенным не выдается. Макарий его начал спрашивать, какова их духовная жизнь. *«Ну какая же духовная жизнь!* - отвечает тот: - *Работаю с утра до ночи, зарабатываю гроши, перебиваемся с женой и детьми, вот и вся наша жизнь».* Макарий стал дальше расспрашивать. И оказалось, что этот человек за всю жизнь не сказал резкого слова жене, что они любят друг друга совершенно и полностью и составляют одно целое. И святой Макарий вернулся в пустыню с мыслью о том, что он сам такой цельности, такого единства с Богом, какое этот человек явил через единство с женой (я не говорю - только «в единстве с женой», но «через него»), еще не достиг. Поэтому надо с осторожностью говорить о том, что один путь выше другого: не всякий шествующий одним путем духовно выше, чем тот, который идет другим путем.

А что касается до принуждения человека к постригу, то есть до внушения ему, что он должен выбрать самый высокий путь или что нет другого пути для него, если он хочет быть священником, это уже преступление. Человек должен, как я уже сказал, созреть и сделать выбор под внушением Святого Духа, а не просто формально, потому что монашеский путь является более интегральным, более цельным, чем брачный путь. Это бывает, но это не всегда так. Можно быть монахом очень - как бы сказать? – «разжиженным» образом. Можно быть человеком, который неспособен на брак и выбирает монашество; можно быть монахом, который исполняет все правила, но духом не может, не в состоянии *«возлетать во области заочны».* И тут духовник должен с большой осторожностью ставить вопросы, прислушиваться к душе человека и не принуждать его ни к чему, а ему помочь разобраться в себе самом так, чтобы он мог или принять решение не только свободно, но творчески, или решить переждать, пока он сам не созреет.

- Что Вы можете сказать о так называемом «невенчанном» или гражданском браке, который некоторыми духовниками отождествляется с блудом?

- То, что я скажу сейчас, вероятно, будет воспринято этими духовниками, а может быть, и многими другими как неправильное мнение. Если кто хочет узнать об истории того, как образовался наш церковный брак, я хочу его отослать к книге профессора С. Троицкого «Христианская философия брака» (она была переиздана в России). Там он указывает на целый ряд вещей, которые мы давным-давно забыли и к которым, может быть, надо было бы вернуться очень вдумчиво.

Первое - то, что апостол Павел не отрицает и не отвергает брака между верующим и неверующим. В одном из посланий он говорит: муж неверный спасается женой верной, и наоборот (и когда речь идет о «верности», здесь, конечно, говорится не о супружеской верности, а о вере в Бога, во Христа). В его время, когда муж или жена принадлежали к Церкви, а другой супруг не принадлежал ей, нехристианского супруга не принуждали принять крещение и затем так или иначе вступать в так называемый «христианский» брак. Брак сам по себе рассматривался с огромным уважением. Есть одно место, мне кажется, у святого Григория Богослова, где он говорит, что мир не мог бы существовать без таинств, то есть без таких божественных действий, которые пронизывают историю или личную жизнь людей, и что брак еще в Ветхом Завете и в язычестве являлся такой тайной, то есть таинством, через которое двое людей, которых грех разъединил, становятся едиными в Боге благодаря соединяющей их и превосходящей всякую рознь любви. Поэтому если мы можем принять, что в языческой древности, так же как в Ветхом Завете, брак является таинством, то есть таким действием Святого Духа, которое в наш падший мир вносит измерение вечной святости, то нам надо быть очень осторожными с определением гражданского брака как блуда или чего-то неправильного.

Второе: мы должны помнить, что в течение ряда столетий (если не ошибаюсь, девять столетий) в Византийской империи браки совершались гражданской властью. И только в какой-то момент император - не Церковь - решил, что браки будут совершаться Церковью, потому именно, что это действие, которое выносит двух людей из узких рамок государства в бесконечные просторы вечной жизни в Боге. И тогда опять-таки начался целый процесс, потому что Церковь не сразу начала составлять богослужение венчания. Вначале к церковному браку допускали только девственников. Эти девственники вступали в брак путем торжественного заявления перед общиной о том, что они любят друг друга вечной любовью и хотят быть едиными между собой, как Христос един с Церковью. И тогда они причащались вместе, но обряда никакого не было. Это заявление их воли, их решимости и совместное причащение и составляли брак. Позже Церковь развила богослужение, которое выражает собой церковное понимание о браке, и это богослужение мы сейчас употребляем.

Но мне кажется (и когда я говорю «мне кажется», фактически, я в этом глубоко убежден), мы не должны были бы венчать людей, которые не доросли ни до какого христианского понимания о браке. Если действительно апостол Павел говорит правду, что брак - это образ единства Христа с Церковью, то когда человек приходит, надо ставить вопрос: чего ты хочешь в браке? Я уже пятьдесят лет священствую и многих опрашивал.

Первый вопрос, который нужно ставить: что вас соединяет? Если люди до конца честны, они скажут: нас соединяет единство интересов и вкусов, нас соединяет взаимное желание друг с другом телесно соединиться, - я сейчас говорю не о блудном вожделении, а о том, что два человека, которые друг друга действительно любят, могут соединиться друг с другом, не нарушая целомудрия, которое необходимо и в браке. Люди также могут сказать: мы хотим брака, потому что хотим перед всем обществом заявить о своем единстве. Но это еще не христианский брак. Это любовь, которая соответствует тому, что я сказал в начале о таинстве брака до христианства. Христианский брак - таинство, где любовь человеческая раскрывает такие глубины и такую широту, которая принадлежит небу.

Другая категория людей хотела бы брака церковного, потому что принято считать, что не венчанные в церкви живут в блуде, и если они будут венчаны в церкви, то брак их совершенен. И это не всегда правда, потому что они не всегда стремятся к тому, чтобы их брак был живой иконой единства Христа и Церкви со всей глубиной, со всем размахом этого понятия. Ко мне приходят люди, которые хотят венчаться, и я их всегда подробно и внимательно опрашиваю, долго с ними говорю о том, что они видят в браке. И несколько раз - не часто - я им говорил: «Не венчайтесь в церкви. Вы хотите плотского брака - оставайтесь на этом уровне. Вы хотите душевного брака - оставайтесь на этом уровне. Вы хотите чего-то, что превосходит душевность и плоть - оставайтесь на этом уровне, но вы сейчас еще не доросли, не поняли ни умом, ни сердцем, что представляет собой брак, о котором говорит Церковь, и что так ясно выражено в самой службе обручения и венчания». Два раза я отказывался венчать людей, потому что они были достаточно зрелы для того, чтобы понять этот отказ; они были достаточно зрелы, чтобы не подумать, будто я их считаю недостойными грешниками, а понять, что я им открываю путь в такие глубины, о которых они не имели понятия. И мы в течение нескольких лет работали с ними над развитием в них понимания того, что такое христианский брак; и одну чету я венчал после пяти лет, другую чету я венчал после пятнадцати лет, когда они жили чистым телесно-душевным браком, когда они были едины, но не перешли грань между человеческим и божественным, когда их брак был браком ветхозаветным или браком языческим в„том смысле, в котором говорит о нем святой Григорий Богослов. И их брак, когда он, наконец, совершился в церкви, был действительно торжеством, в котором явлено было единство Христа и Церкви.

Поэтому я не считаю, что гражданский брак сам по себе является блудом. Если гражданский брак не имеет никаких корней в любви, во взаимном понимании, а является просто сожительством двух людей, которые хотят делить свою плотскую жизнь, это одно; это порой можно назвать блудом. Но то, что я сказал раньше, должно хотя бы навести на мысль о том, чем мог бы быть такой брак гражданский или даже не гражданский, а просто фактическое соединение двух людей, которые едины во всем, но еще не переросли своего человечества и не могут быть иконой единства Христа и Церкви.

И тут встает вопрос о том, правильно ли мы делам, что всех венчаем только потому, что они крещены. Я тоже венчаю людей, и все наше духовенство венчает людей на этих началах. Но я продолжаю думать, что это ошибочно, что это не дает людям возможности заглянуть в глубины того, что брак собой представляет - через чинопоследование Таинства Брака, через чтение из апостола Павла, и через учение Христа Спасителя - и вступить в брак такой, который уже соединяет небо и землю. Но гражданский брак, если он чист плотью и чист душевно, является таинством, потому что это соединение двух людей, которое превышает, которое уничтожает то разделение греха, которое сделало одного человека чужим для другого. Они становятся друг другу своими, alter ego («другое я»), и через это уже как бы зачаточно приобщаются тайне единства в Боге.

- В определении Синода упоминается случаи, когда духовник принуждает к вступлению в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем. Как Вы относитесь к подобной практике? Насколько вообще правомочен духовник вмешиваться в решение таких вопросов?

- Я скажу: абсолютно неправомочен, никакого права он не имеет определять в такой мере и в такой форме будущее двух людей. Вообще, вступить в брак по принуждению, так же как принять монашество по послушанию, безумно и грешно; и грех, конечно, лежит на том священнике, который накладывает такую невыносимую ношу на того, кто принимает монашество, или на тех, кто вступит в брак. Это недопустимо. Духовник должен приготавливать чету, научить их тому, что представляет собой брачная любовь, брачное целомудрие, брачная чистота, брачное единство душевно-телесное, и когда они готовы, их венчать. Причем не он должен выбирать жениха или невесту для другого лица.

Мне известны случаи, когда духовник приказывал вступить двум людям в брак между собой, что потом оказывалось катастрофой. Дело пастыря - вглядываться в своих пасомых, вглядываться молитвенно, вглядываться смиренно и им помочь стать тем, чем стать они призваны Богом. Я знаю несколько случаев, когда духовник или кликуша-«старица» разорвали узы любви, которые уже существовали между юношей и девушкой, принудили их венчаться с Другими людьми, потом случилась катастрофа, они граждански развелись; и эта же кликуша их пыталась соединить еще с другими возможными мужьями и женами.

Это безумие и это преступление; и Церковь должна была бы реагировать на все эти безумные преступления дисциплинарным образом. Такой духовник должен быть лишен права принимать подобные решения; если нужно, он должен быть запрещен в священнослужении. И во всех случаях, которые мне пришлось переживать и в России, и вне России, когда такое совершается, Церковь должна поступить со всей строгостью.

На это мне раз ответили, что если так поступить и запретить такого-то священника, то несколько сот людей уйдут от Церкви. Они от Церкви не уйдут, они уйдут от лжецеркви; и это надо принимать в расчет. И вопрос не в количестве, а в том, чем эти люди являются. Если они являются только духовными детьми этого священника, этого лжедуховника, то они Церкви, в сущности, не принадлежат, они уже отпали, они стали боготворить идола, отдались в культ его личности, и этот идол должен быть снят. Простите резкость моих выражений, но я с большой болью это все переживаю, потому что до меня не только слухи доходят, а приезжают люди из России с такими вопросами; и когда я сам бываю в России, многие ставят передо мной именно эти вопросы. Я не могу их решать, потому что у меня ограниченное право решения, но порой я им даю советы самые определенные, какие я сейчас изложил.

- Некоторые монашествующие духовники практикуют так называемое отчитывание, включающее в себя чтение специальных молитв для изгнание бесов. Нередко к таким духовникам обращаются люди, страдающие психическими болезнями, надеясь, что «отчитка» им поможет. Публикуется немало литературы о власти дьявола и бесов. В одной из таких брошюр сказано, что коль скоро бес вошел в человека, он уже навсегда обладает им, и только отчитывание может ему помочь. Что на это сказать?

- Во-первых, я скажу, что не всякая душевная болезнь является плодом одержимости. У меня был очень яркий пример. Был в Париже иконописец, который вдруг помешался умом, ему чудились разные вещи. Его родные не хотели его раздражать, и когда он говорил: *«Вы разве не чувствуете запах серы?»* - принюхивались, соглашались с ним и от этого только углубляли в нем сознание, что так оно и есть. Потом ему стало хуже. Его начали отчитывать, мазать елеем, соборовать, причащать чаще. Он все равно не поправлялся. Я тогда был врачом и работал в психиатрической клинике, и ко мне обратился мой духовник, отец Афанасий, с вопросом: что с ним делать? Он или одержим или сумасшедший; как поступить? Я сказал: *«Отдайте его нам в клинику, мы его будем лечить электрошоком»*. Отец Афанасий меня переспросил: *«А если это бесовское наваждение?»* Я тогда ответил (может быть, грубо): *«Электрический ток бесу вреда не принесет, а человека может спасти»*. И мы его взяли в больницу, лечили, и он вылечился. Но что замечательно: с ним случилось нечто непонятное. Он был хорошим иконописцем, но что-то в его иконах было странное, напряженное. Я перед одной из его икон несколько лет стоял и всегда чувствовал в этой иконе что-то «не то». Когда он вышел из психиатрической больницы, он начал писать иконы зрелые, глубокие, совершенно иные.

Мне потом пришлось прочесть в «Записях» отца Александра Ельчанинова место, где он говорит, что бывают души настолько хрупкие, что мир их мог бы разбить, и Бог на время кладет между ними и миром пелену сумасшествия с тем, чтобы они могли внутренне созреть и окрепнуть, раньше чем встретиться с этим миром. Это и случилось с нашим другом-иконописцем.

Поэтому я скажу: делайте все, что возможно с человеческой точки зрения, с точки зрения лекарств, лечения, психиатрической помощи, - и молитесь. Но молитесь не над человеком, а за него, чтобы не создавать в нем какого-то внутреннего напряжения, которое сверх его сил. И придет время, когда, если это психическая болезнь, он выздоровеет; если же тут есть какая-нибудь «бесовщина», одержимость, то молитва Церкви может его освободить. Но не обязательно применять отчитывание. Отчитывание может большей частью только прибавить к внутреннему напряжению, внутренней растерянности, путанице, которая в человеке. Если он начнет верить, что он одержим, то может и не суметь вырваться из этой одержимости.

- По рукам православных верующих ходят брошюры, составленные как бы в помощь исповедующимся и содержащие перечень грехов. Среди упоминаемых там грехов (их может быть до двух тысяч) всевозможные извращения, о которых иные православные верующие даже и слыхом не слыхали. Насколько полезны или вредны подобного рода пособия?

- Я со всей определенностью и убеждением скажу, что подобные пособия вредны. Они должны бы быть запрещены, отняты у тех, у кого они есть, и совершенно иной подход должен быть предложен для подготовки к исповеди.

Первым делом я скажу, что никто не может прочесть две тысячи названий грехов и быть в состоянии себя определить среди них. Некоторые люди, приезжающие из России, приходят ко мне на исповедь со списками и начинают вычитывать. И каждый раз я их останавливаю и спрашиваю: «А вы знаете, что значит этот грех?» - «Нет, но он числится в списках, и так как я грешный человек, я его упоминаю»... Это не исповедь, это не только извращение, но оскорбление самого понятия исповеди, унижение исповеди.

Человек должен исповедовать свои грехи, это первое; он должен быть научен постепенно с большей тонкостью понимать свои душевные состояния, оценивать свои поступки и их исповедовать. Но исповедовать грехи, которые когда-то были просто записаны досужими монахами и вошли в списки, совершенно бессмысленно, это ничему людей не учит. Как принцип, человек должен научиться исповедовать свои грехи, а свои грехи - это те, которые он сознает как таковые. Позже, когда он повзрослеет духовно, он найдет в себе еще другие грехи и основания исповедовать их. Поэтому мой совет был бы таков: чтобы человек стал перед свой совестью, перед лицом Божиим, перед судом своих друзей и знакомых, и поставил себе вопрос: что во мне недостойно ни меня самого, ни Бога, Которого я исповедую, ни общины, к которой я принадлежу, ни людей, которые меня считают своим другом? Человек должен все это продумать и знать: вот в этом я согрешил против самого себя, против тех людей, которые меня

любят, против Бога, Который Свою жизнь отдал за меня, против Церкви, которую я уродую своими грехами, своей принадлежностью ей. И в этом смысле исповедь должна быть совершенно личная. Она неминуемо будет неполная, но она будет реальная. Она будет неполная в том смысле, что другой человек, более духовно зрелый или лучше наученный или более опытный найдет в себе, может быть, и другие грехи, но в данную минуту тот человек, который исповедуется, должен исповедовать свои собственные грехи.

Второе, что я хотел бы сказать: часто духовники советуют читать Евангелие или Послания, или даже Ветхий Завет и отмечать все те указания на греховность, которые там есть, и ставить перед собой вопрос: греховен ли я в этом или нет? И делая это, люди проходят мимо самых светлых моментов в Священном Писании. Мой совет им бывает и остается таким: когда читаешь Священное Писание, отмечай все те изречения Спасителя, все указания Апостолов, все места в псалмах, на которые ты отзываешься или с радостью, или с болью. С радостью в том смысле: Боже, как это прекрасно! Вот каким я хочу быть!.. - или с горем: Да, я это понимаю, это дошло до моей души, и - увы! - я не таков... Вот если отметить те места, в которых наша душа узнает самое прекрасное, что Бог ей открывает о ней самой, и то, что открывается ей о греховности, тогда человек может исповедовать реальные грехи. Реальные грехи, относящиеся к тому, что вы в себе нашли созвучного в Евангелии, заключаются в том, что я это понимаю умом, я это воспринял сердцем, меня это взволновало до глубин души - и я так не поступаю. В этом я не только нарушаю заповедь, объективную заповедь Божию, но я поступаю против того, что уже во мне созрело, против того, что я уже познал об истине духовной жизни и жизни с Богом. Вот это и надо исповедовать. Также когда нас что-то поражает: ах, мне в голову не приходило, что это греховно, а я это делаю, или я об этом мечтаю, да, я понимаю теперь, что это грех, и я исповедую это. Вот в чем начало исповеди.

Потом можно искать в наставлениях Отцов Церкви или у духовника каких-нибудь других указаний, но исповедь должна быть всегда моя собственная. И нужно помнить, что ни одна исповедь не может быть исчерпывающей. Думать, что человек может исповедать все, что в нем есть, иллюзия, потому что человек может исповедать только то, что он видит, а мы все полуслепые в этом отношении.

Что же тогда делать? Исповедь и постепенное очищение души Должно происходить так, как происходят археологические раскопки. В каком-то месте - мы знаем - был город. Собираются люди, начинают снимать первый слой земли, и открывается вершина какого-нибудь здания: либо храма, либо капища, либо дома. В этот момент уже что-то видно. Дальше, по мере того как мы будем расчищать эту площадь от земли и разных наслоений, будет все больше и больше открываться, и каждый раз мы будет познавать больше. Так же и с исповедью. Мы должны начать с того, чтобы всмотреться хорошенько, вдуматься хорошенько в тот слой нашей души, который мы уже понимаем, о котором мы уже имеем ясное представление, и его представить Богу в покаянии и в благодарении. Затем, конечно, после того как этот слой очищен, открывается следующий. И так далее, до самых глубин души. Ожидать от человека, что он может исповедать глубинные грехи, о которых он еще не имеет понятия в своем духовном опыте, потому только, что они значатся в списке, бессмысленно. Конечно, всякий из нас может сказать: Отцы Церкви говорят, что то или другое греховно; ну, значит, я грешен, потому что я даже понятия не имел о том, что это нехорошо... Но не в этом дело. На исповеди человек должен предстоять перед Богом во всей своей правде, а не в чужой правде. И поэтому такие списки только вредны.

А когда в этих списках еще значатся половые извращения, то рекомендовать подобные списки - просто преступление, свершаемое так называемым «духовником» против человека; потому что мы все знаем, как мысль вкрадывается в нас через слух, через зрение и как постепенно эта мысль охватывает наше воображение, как постепенно мы начинаем интересоваться этой мыслью и впадаем в искушение. Этого нельзя делать. Надо человеку дать возможность высказать то, что он знает о себе. А Церковь в лице священника, духовника, должна ему говорить не о половом грехе, а о целомудрии, о красоте его о души, о том, как он должен бережно относиться к своему телу и к телу другого человека - что другой человек является иконой и что к каждому человеку надо относиться соответственно, именно как к иконе, почитать, охранять; и так же относиться к своему телу. И если человека так учить

относиться к своему телу и к чужому телу, тогда может вырасти настоящее целомудрие, - вырасти не от страха, не от того, что человек отвращается от всего для него привлекательного, а от желания в другом человеке видеть икону и относиться как к святыне, и в своем теле тоже увидеть святыню, которую нельзя осквернять. Эта святыня является иконой Христа Спасителя - Бога воплотившегося. Как же можем мы относиться к ней иначе? Эта икона должна постепенно очиститься от всяких возможных наслоений, от изуродованности, которое постепенно было наложено на эту икону. Но это надо делать постепенно и именно относясь к своей плоти и к чужой плоти с благоговением.

Современные духовники слишком много говорят о грехах плоти и о том, что с ними надо бороться. Замечательную вещь сказал один из Отцов церкви, когда писал, что-то, что мы называем грехами плоти, это те грехи, которые дух и душа наша совершают против плоти нашей. Плоть сама по себе безгрешна, она является жертвой греховности нашей души. И если мы больше думали бы о своем теле и о чужом теле именно так, то могли бы относиться к телесности с благоговением и побеждать искушения не ради возможного наказания, а ради той красоты, которую Бог видит в нас. Он ведь смог стать человеком, принять плоть, настоящую человеческую плоть. Нам дана плоть, которая сама по себе не греховна, но в которую наше вожделение, наше воображение вносит греховность.

- Некоторые духовники предъявляют высокие аскетические требования исповедующимся, в том числе и детям, настаивая, в частности, на соблюдении строгого поста в течение нескольких дней перед причастием. В один из московских монастырей воспитательница детского дома привела к причастию группу детей-сирот. Настоятель монастыря спросил, соблюдали ли дети пост в течение трех дней перед этим; когда выяснилось, что нет, он не допустил к причастию никого из них. При этом он сказал: «Запомните, дети: у Бога ничего просто так не бывает».

- Я думаю, что он поступил не право. Я думаю, что Бог этих Детей принял бы с любовью: ведь они нарушили церковное правило, о котором не имели понятия. Они не были принуждены его исполнить, потому что воспитательница, вероятно, хотела, чтобы они пришли к Богу с радостью, а не с чувством, что к Богу можно приходить только с натугой, что нельзя к Нему просто так прийти. Представьте себе: мать сидит в своей комнате с открытой дверью. Она одета в белое платье, на дворе весна. Ее маленький мальчик играет в саду. Он играет в песке, играет в траве, весь запачкался. И вдруг вспомнил о маме, не головой вспомнил, а сердце его вспомнило о маме, и у него родился порыв броситься к ней, обнять, расцеловать ее, - и он бежит. И что должна сделать мать? Его остановить, сказать: *«О чем ты думаешь? Разве ты не видишь, что на мне белое платье, что ты меня всю запачкаешь? Пойди-ка вымойся сначала!»?* Если она чуткая, умная мать, она забудет про свое платье, про свою белизну. Она отзовется на эту ласковую любовь ребенка, возьмет его на колени, обнимет, даст ему ее расцеловать - и запачкать и платье, и лицо ее, и потом отпустит его обратно играть. Так, мне кажется, Бог к нам относится. Так что когда ребенок приходит к причастию, он должен приходить с порывом, с радостью: я иду ко Христу, Который, как мама, меня любит, Который хочет меня обнять, Который хочет меня приласкать, Который мне позволяет, несмотря на то, что Он Бог, быть Его мальчиком или девочкой... Вот как надо относиться к ребенку, который приходит к причастию.

А что касается достоинства, то, простите меня, миллионы людей постятся и соблюдают строгий пост и перед причастием, и в других обстоятельствах, а можно ли сказать честно, что от этого они делаются лучше, то есть ближе к Богу? Нет, нельзя. Очень часто надо было бы сказать: лучше бы ты не был таким ханжой, таким верным исполнителем всех уставов - и не забывал про любовь и про милость, и про прощение, и про все добродетели, о которых говорит Христос.

Мне вспоминается рассказ из жизни святителя Филарета Московского о том, как в одной деревне был священник пьющий, а в другой деревне все жители спились, и местному священнику там было невмоготу. И Филарет подумал: соединю-ка пьяного священника с пьяным приходом, потому что я все равно ничего не могу для них сделать. Он так и поступил. Пьющий священник пришел в пьяную деревню, обратился к прихожанам и сказал: *«Вот каково*

положение. Владыка отчаялся и в вас, и во мне: мы пьяницы. Но я, как священник, обязан совершать Божественную Литургию каждое воскресенье, в каждый праздник, и на Литургии причащаться, несмотря на то, что я пьяница. Так вот что я вам предлагаю: приходите и будем все вместе причащаться; вместе причащаться, плача над собой, каясь перед Богом о том, что мы недостойны подходить к Нему, но что мы верим в Его милость». И что же случилось? Из жития митрополита Филарета мы узнаем, что от изумления, от благодарности и от действия Святого Духа через таинство и непосредственно на их души, которые открылись Богу, вся деревня начала меняться; через какое-то время пьянство прошло: и священник стал трезвый, и жители деревни стали трезвыми. Вот пример. Они не постились, они не соблюдали строго устава, они пришли к Богу, потому что Он был единственный, Кто их сумел любить недостойными. Есть русская пословица: *«Полюбите нас черненькими, беленькими нас всякий полюбит»...* Вот так и бывает. И я убежден, что если человек по небрежности нарушает какие-нибудь правила, ему надо это ставить на вид. Но если он просто о них не знает или у него не хватает сил, веры, убежденности, что это необходимо или нужно, то надо ему дать опыт близости с Богом, а не требовать с него исполнения правил.

Поэтому я думаю, что в данном случае этот священник поступил не право. Он должен был бы допустить всех детей к причастию после, может быть, общей беседы и короткой, но вдумчивой личной исповеди с каждым ребенком, причем говорить он должен не о том, что ребенок нарушил такие-то правила, а о Христе, о любви Божией...

Да я просто расскажу, что я делаю, когда ко мне приходит ребенок в первый раз исповедоваться. Обыкновенно он приносит бумажку, на которой мамаша написала целый список его проступков. Он начинает читать, я его останавливаю: *«Кто составил этот список?» - «Мама». – «А ты согласен с этим списком?» - «Да, раз мама говорит, что это нехорошо». – «Давай, отложим этот список и поговорим. Ты что-нибудь о Христе знаешь?» - «Да, мне мама рассказывала и мне вслух читали Евангелие». – «И как тебе кажется: тебе нравится Христос, ты хотел бы с Ним познакомиться и сдружиться»*. Ребенок думает некоторое время и обычно говорит – *«Да, я хотел бы, чтобы Он стал моим другом». – «А ты знаешь, что такое дружба? Дружба заключается в том, чтобы быть верным своему другу во всем, делать все возможное, чтобы его не огорчать, приложить все свои силы, чтобы ему радость принести. Если он старше, умнее или лучше тебя, сделать все возможное, чтобы быть на него похожим. Как ты думаешь: тебе хотелось бы в такие отношения дружбы вступить со Христом» - «Да, я хотел бы быть Его другом!» - «Тогда вот что. Забудь про этот список и мне скажи: если бы сейчас перед тобой стоял Христос видимо (невидимо Он стоит тут) и тебя спросил: «Скажи, есть у тебя что-то, что тебе стыдно Мне сказать или о чем стыдно, чтобы Я знал даже без того, чтобы ты сказал?* И ребенок говорит: *«Я лгал, я делал то, другое. Мне стыдно было бы, чтобы Христос это знал - а Он ведь знает. Как же быть?» - «А ты Ему сам скажи, не так, чтобы Он знал без тебя, помимо тебя, а ты Ему просто скажи все что ты крал конфеты, что ты лгал, что ты не слушался, потому что тебе было лень, что ты смеялся над некоторыми своими товарищами, что ты был неверен своей дружбе. Например, когда твоего друга другие мальчики обижали, над ним смеялись, иногда даже, может быть, били его, ты заступался за него? Ты становился рядом с ним со словами: если хотите его бить, и меня бейте?» - «Нет». – «Вот в этом ты кайся»* И так можно ребенка научить каяться в реальных его грехах, но ради дружбы с Богом, ради дружбы со Христом, потому что Христос является его Другом, и печать дружбы - это верность, это желание принести радость другу и никогда не быть причиной огорчения или боли для него. Вот как надо говорить с ребенком.

А то, что относится к ребенку, относится также и к взрослым, потому что бесчисленное количество взрослых приходят на исповедь так же, как ребенок, со списком грехов, зная, что то, другое и третье не надо делать, но не потому исповедует их, что это нарушает его дружбу с Богом, уродует его, делает невозможным ему назваться Христовым другом, а по другой причине И в этом отношении списки не помогают Они дают человеку знание о грехах, о которых у него не было понятия и которые ему не нужно знать, потому что они не принадлежат ни его возрасту, ни его полу, ни его развитию. А надо его учить в себя самого глядеть, искать в Евангелии те места, от которых горит сердце, возбуждается желание последовать этим указаниям, яснеет ум, крепость воли возрастает. И вот если мальчик, или девочка, или взрослый

нарушает это, он нарушает свою верность Богу в том, в чем она уже зачаточно существовала. Вот где надо начинать вопрос об исповеди. А списки - нет!

А что касается вопросов половой жизни, то к ним нельзя прикасаться грубо. Надо найти какой-то способ сказать ребенку (или взрослому тоже) о целомудрии, о том, как он относится к своему телу, о том, как он относится к телу других людей, смотрит ли он на него с благоговением, целомудренно, или нет. Но никогда не описывать никаких грехов, которые, может быть, он не знает, и не давать ему списков грехов, о которых он никогда не слыхал. Я помню одного человека, - это было много лет тому назад, - которому священник дал список грехов, и этот циничный, неверующий человек вернул список со словами: «С каким интересом я этот список прочел! Мне в голову все это не приходило. Как это было интересно, как любопытно, и как я буду над этим думать и играть воображением». Этого ли вы хотите, когда даете человеку список грехов? Можете ли вы с уверенностью сказать, что он его воспримет именно с покаянным чувством? Нет, не можете. Поэтому берегитесь этого

А что касается допущения или не допущения до причастия на основании поста, то тут надо делать различие. Есть люди, которым нужно причаститься в первую очередь, потому что это будет первый их живой контакт с Богом, и они не могут приготовиться к нему просто воздержанием от той или другой пищи. Для них это непонятно, не существенно. Я исповедовал в течение нескольких лет людей, которые никогда до того не бывали в церкви и никогда не исповедовались, хотя были когда-то в детстве тайно крещены таким людям надо помочь заглянуть в себя, взглянуть на Бога и установить новые отношения; и причаститься не на том основании, что они выложили всю свою душу и исповедали все свои грехи без остатка, а потому что они приходят к Тому, Кто может им дать

Жизнь. Причащение Святых Тайн - это Жизнь, которая дается им, нам. Это не значит, что мы можем легко давать таинство, но это значит, что иногда человеку необходимо причаститься для того, чтобы познать Бога.

Расскажу один случай. Почти пятьдесят лет назад ко мне пришла молодая женщина с вопросом: *«Я принадлежу к верующей семье. Меня каждый год заставляют на Пасху причащаться. Я не верю ни в Бога, ни в причастие, ни во Христа, ни в Церковь, ни во что, и я не могу продолжать принимать причастие при этих обстоятельствах. Что мне делать?»* Я сказал: *«Вопрос решен, - если ты придешь причащаться, я тебе откажу в причастии при этих обстоятельствах; но я с тобой хочу поговорить об этом»*. И в течение всего поста каждую пятницу она ко мне приходила, и я с ней делился тем немногим знанием, которое у меня есть, и тем малым опытом, который у меня собрался за годы. И когда мы дошли до Великой пятницы, оказалось, что я не сумел ей ничего передать, и она просто потеряла время на разговоры со мной. Я ей сказал: *«Знаешь, я тебе ничего не смог дать, твоя семья ничего тебе не сумела открыть… Пойдем и будем молить Бога о том, чтобы Он это сделал Сам».* Мы пошли в храм, стали на колени перед Плащаницей, и я поставил вопрос Богу: Господи, что мне сказать этой девушке, чтобы ей открыть путь к Тебе?.. И вдруг мне пришла мысль (тогда, в течение всей этой встречи я поступал, - как бы сказать? – «на веру», то есть с уверенностью, что Бог хочет спасти этого человека, как бы мне ни казалось это непонятным, каким бы непонятным путем Он ни шел). Мне пришла мысль ее спросить: *«Необходимо ли для тебя найти Бога или нет?»* Она ответила: *«Если Бога нет, то и смысла жизни нет, и жить я не хочу. Что мне делать?»* Я ответил: *«Не знаю!»* - и поставил Богу второй вопрос: что ей делать и что мне делать? что я должен ей сказать?.. Через некоторое время ответ мне пришел, я ей сказал: *«Если ты исполнишь то, что я тебе скажу, то я тебе от имени Бога обещаю, что ты найдешь веру».* Она сказала: *«Да! А что делать?»* И я снова ответил: *«Не знаю, давай дальше молиться».* И продолжал молиться; и пришла мысль, которая меня испугала, но которую я счел своим долгом повторить, потому что, спросив Бога, я счел невозможным как бы «запретить».

Ему мною пользоваться для ответа. Я ей сказал: *«Вот тебе ответ. Завтра, в Великую субботу, я буду совершать Литургию. Ты подойдешь к причастию, но перед тем как причаститься, ты остановишься и вслух мне скажешь: Господи, мои родители мне ничего не дали; Твоя Церковь меня обманула и ничего мне не дала. Твои священники мне ничего не сумели передать, и теперь я стою перед Тобой с вопросом. Если Ты не ответишь мне на этот вопрос Сам, я ухожу и никогда к Тебе не вернусь».* Она на это возразила: *«Если Бог есть, это*

кощунство, я не могу этого сказать». Я ответил: *«Нет, ты это скажешь, потому что я буду отвечать за твои слова».* И она пришла и сказала эти страшные слова и причастилась Святых Тайн. Я в тот же день уехал во Францию и получил от нее записку: *«Я еще не знаю, есть ли Бог, но с уверенностью могу сказать: то, что я получила в причастии, было не хлеб и не вино, а что-то совершенно иное».* И тут начался ее духовный путь.

Это я говорю для того, чтобы подчеркнуть, что не соблюдение правил открывает нам путь к Богу. Когда этот путь уже открылся, тогда правила могут нам служить костылем, - не условием для того чтобы подойти к Богу, а костылем, который нам помогает идти к Нему на встречу, на приобщение, на общую жизнь. Но когда этот путь еще не открылся, никакие правила не помогут.

- Что Вы скажете о тех общинах, в которых создается культ личности священника, когда каждое его слово, не только по вопросам духовной жизни, но и по политическим и иным вопросам воспринимают как изъявление воли Божией?

- Культ личности - одно из самых вредных явлений не только церковной жизни, но вообще всей жизни, включая и политическую. В области политической культ личности находит свой предел в диктатуре и в том, что некто, произведя впечатление на окружающих, получает власть, на которую он не имеет никакого права по своему внутреннему содержанию, то есть по зрелости, по мудрости и по знаниям. Культ личности надо искоренять всячески. И первый, кто должен это делать, - это тот человек, который является жертвой этого культа, то есть тот священник или мирянин, которого окружают недолжным и непозволительным почитанием.

Для этого священник (я буду говорить, конечно, в первую очередь о священниках) должен постоянно следить за собой и постоянно себе напоминать, что он ничто, если им не руководит Божия благодать, и что Божия благодать ему дается не как постоянный дар, а в меру того, как он сам смиряется перед Богом, как он сам отрекается от себя и как он сам отдает свою жизнь другим, на служение. Я помню, отец Софроний мне как-то сказал, что Церковь построена, словно пирамида, причем пирамида, стоящая вверх дном, стоящая на самом острие своей вершины. И чем человек делается ближе к Богу, чем он хочет больше себя отдавать на служение другим, тем он должен сходить ниже и ниже, глубже и глубже в этой пирамиде, и в конечном итоге вершина этой опрокинутой пирамиды - Сам Христос, на Котором все покоится, вся тяжесть мироздания, вся тяжесть человеческой грешности, все. Поэтому если священник хочет избавиться от культа личности, он должен первым делом прийти в себя, опомниться, понять, что его почитают либо за то, что ему было дано, либо потому, что люди видят в нем то, чего, может, и нет.

Что было дано - это, во-первых, его внешность: она играет большую роль. Человек производит первое впечатление своей внешностью, и священник (как всякий другой человек, но священник особенно) должен задуматься над тем, чтобы своей внешностью, как он представляет себя внешне людям, не быть соблазном, то есть чтобы его внешность не была воплощением его тщеславия, его гордыни, его духовного невежества, его природной глупости, в конечном итоге. Это очень важно. Значит, первым делом священник должен следить за тем, чтобы внешностью своей не поражать окружающих; быть собой, да, но быть осторожным и не выдаваться.

Второе: умственные качества. Ум можно проявлять с мудростью или с дерзостью. С мудростью можно проявлять все знания, которые человек приобрел за короткую или тем более долгую жизнь, когда это нужно другим. Но, как сказал один французский писатель XVIII века, свое знание и свою мудрость следует хранить, как человек хранит в кармане часы; он их вынимает только когда ему нужно узнать, который час, но не ради того чтобы все знали, что у него есть карманные часы... Это очень важный момент: чтобы человек не проявлял никакой особенной учености или мудрости, когда она никому не нужна и когда она является только демонстрацией его собственных - может быть, несуществующих - качеств и свойств.

Дальше, человек может возгордиться своим знанием, то есть тем образованием, которое ему было дано. И тут он должен помнить, что все это знание ему не принадлежит, что это ему был подарок, - подарок от Бога, так же как ум, которым он оказался способным воспринять эти

знания, и подарок со стороны Церкви, гражданского общества, семьи, друзей, древней и современной литературы и т. д.; все это ему не принадлежит. Если он обладает этими свойствами, то есть умом, образованностью и прочим, он должен научиться быть благодарным, но не демонстрировать их.

Дальше, он должен беречься соблазна кичиться и пользоваться своим саном для того, чтобы приобретать какое-то уважение и занимать какое-то положение в обществе: я-де архимандрит, я епископ, я священник, я дьякон, я то или другое. Это ничего не значит. Перед Богом, Который видит душу человеческую, эти звания могут быть не только пустым звуком, но даже предметом его осуждения, потому что если человек ходит звеня перед собой этими званиями, то Бог может посмотреть и сказать: да, звания на тебе есть, а достоинства - никакого, ты не соответствуешь тем званиям, которыми кичишься, и чем больше твое звание, тем худшее тебе будет осуждение... Это все мысли очень важные для священника, и даже для дьякона, и для всякого человека, кого хвалят за те или другие свойства, которые ему даны от Бога.

Мы должны все помнить то, что сказано в начале Заповедей Блаженства: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное... Что значит «нищие духом»? Нищий духом - человек, который понимает глубоко или даже краем души, что в нем ничего нет, кроме того, что ему дал Бог, что все хорошее, что в нем только может быть, это дар Божий, и что хвалиться этим совершенно ему не к лицу.

Я вспоминаю девушку лет двадцати с небольшим, милой внешности. Пришла ко мне, села и с ужасным выражением лица говорит: *«Я не могу спастись, я погибаю от тщеславия!»* - *«А что ты делаешь против него?»* - *«Я не знаю, что делать с ним, я борюсь с ним, но тщеславие побеждает». – «А в чем же заключается твое тщеславие?»* - *«Каждый раз, когда я вижу себя в зеркале или отражение в стекле, то думаю: какая я хорошенькая!»* Я улыбнулся и сказал: *«А знаешь что, это правда!»* Она с ужасом на меня взглянула и воскликнула: *«Что же тогда мне делать? Я погибла!»* - *«Нет, ты не погибла. Ты должна научиться преобразовать тщеславие в благодарность. До смирения ни тебе, ни мне еще пути нет, мы не знаем, что такое смирение, это свойство святых. А благодарность - это свойство, которое мы, каждый из нас, можем приобрести в любую минуту». – «А как же это сделать?»* - говорит она. *«Вот что сделай: три раза в день становись перед зеркалом и перечисляй все черты твоего лица, которые тебе нравятся: лоб, брови, глаза, губы, нос, щеки, в общем, все что ты только можешь видеть в себе хорошего. И когда кончишь, скажи: Господи, спасибо Тебе, что Ты мне все это подарил, потому что я этого не создавала в себе. И прибавь еще: И прости меня, Господи, что на ту красоту, которую Ты мне дал, я накладываю такое отвратительное выражение, которое у меня сейчас на лице».* Я думаю, что это можно применить и к духовным свойствам. «Нищии духом» те, которые сознают, что все, что у них есть, - от Бога, и вместо того, чтобы ради приобретения ложного смирения отказываться от этого, отрицать это, они воспринимают это и обращаются к Богу с благодарностью за то, что Он это им дал.

А дальше? Дальше они могут эти дары употреблять на пользу другим. Если у них есть красноречие, ум, образованность, чуткость, - бесконечное число свойств можно привести, которые нужны или полезны духовнику, - то пусть благодарят! Благодарят - и от благодарения смиряются, потому что человек понимает, что все, за что он благодарит - не его, а подарок ему от Бога. А если подарок, то он может ликовать о том, что это ему дано, но никак не кичиться этим. Вопрос о культе личности в священнике начинается с него самого. Он должен, - всякий из нас должен, - учиться в течение всей жизни, а не только в какой-то момент жизни, благодарить Бога за то, что ему дано, и не приписывать себе ничего.

Есть в житии святого Макария Великого рассказ о том, как после его смерти один из учеников видел, как его душа возносилась на небо, и по дороге к небу бесы расставили как бы таможенные столы и у каждого стола его испытывали о каком-нибудь грехе, и он мимо каждого стола проходил чистым. И когда Макарий уже дошел до самых дверей рая, бесы решили уловить его на последнем: они захлопали в ладоши и закричали: *«Макарий, ты нас победил!»* - надеясь, что уловят его тщеславием. И Макарий повернулся, погрозил им пальцем и сказал: *«Нет еще»* - и с этими словами ему был дан доступ в рай.

И я думаю, что каждого студента, каждого мирянина, каждого священника и диакона нужно учить этому: все, что у него есть, все богатство - ему дар от Бога; и когда люди хвалят его,

чтобы он внутренне не принимал, а превращал похвалу, которую получает, в благодарение Богу и в сокрушение сердечное, потому что если человек был бы действительно и до конца смиренен и в Боге, то его не хвалили бы за пустяки.

Мне вспоминается письмо святителя Тихона Задонского одному молодому священнику, который ему жалуется, что его хвалят прихожане и что, сколько бы он им ни доказывал, что их похвалы некстати, они только больше его хвалят, и он не знает, что делать. И Тихон Задонский ему отвечает: первым делом ты не говори своим прихожанам о том, что они ошибаются и ты недостоин их похвалы, потому что они к другим несуществующим твоим качествам еще прибавят несуществующее смирение, а ты выслушай их, запомни, какие качества они в тебе видят, и воспитывай их в себе с тем, чтобы стать таким, каким они тебя видят в самом лучшем смысле слова. Тут целое воспитание нужно, и это надо начинать в семье, в обществе, в Церкви, в семинарии, в академии, в течение всего времени, чтобы человек не путал то, что ему дано, с тем, что ему принадлежит по природе или по дару Божию. Это очень важно. И если человек научится не кичиться собой, то культ личности может вокруг него продолжаться, так же как волны бьют о скалу, но он от этого не сгниет, он от этого не погибнет.

Кроме того, он должен научиться людей предупреждать о том, что он не всеведущий и что у него есть порой мнение, порой .знание, а порой невежество или незнание. В вопросах духовных бывают моменты, когда священник по милости Божией, по благодати священства с совершенной ясностью видит, что надо ответить человеку на его нужду и его вопрос. Порой он этого не видит с такой ясностью, но может привести пример из житий святых или цитату из Евангелия; а порой он должен быть в состоянии сказать: *«Не знаю!»* И люди большие, чем мы, эту смелость имели. Мне вспоминается два случая из жития святого Амвросия Оптинского, когда к нему приходили люди с вопросами, он их просил побыть в монастыре немножко, пока он помолится и будет от Бога просить ответа. И в обоих случаях эти люди через два-три дня приходили и говорили: *«Батюшка, нам же домой надо спешить, а ты нам не даешь никакого ответа на наши вопросы...».* И дважды Амвросий отвечал: *«Вот уже столько дней я спрашиваю Божию Матерь, какой вам дать ответ, - Она молчит. Как же я могу ответить вам?»* И это в области духовной жизни и со стороны действительно святого старца.

А если речь идет уже не о духовной жизни, а о политических и общественных вопросах, тогда долг священника сказать: я не поставлен здесь вас наставлять о политических проблемах или в мирской области, я поставлен вам проповедовать Евангелие... Это, конечно, ставит вопрос о том, что если у него есть собственные убеждения, то он может влиять на других даже невзначай, даже не ища того. С этим ничего не поделаешь. Если люди видят, что он следует тому или другому пути, то, разумеется, они могут сказать: раз такой замечательный человек так думает, может быть, и мне надо так думать... Но тут человек должен уметь сказать: нет, я так думаю, я так чувствую, потому что я так воспитан, потому что я в такого поколения, - мало ли что он может сказать правдивого по этому случаю; а вы ищите правду свою, то есть ту правду, которую вам лично открывает Бог.

А есть области, в которых нет обязательства придерживаться тех или других убеждений. Уклоняться от зла, конечно, должны все и всячески, но если речь идет о политике, о гражданской жизни, то тут оттенков очень много, и надо, чтобы каждый человек поступал по чистоте своей совести, строго наблюдая за собой, поступая так, чтобы он мог стать перед Христом и сказать: я это сказал этим людям от Твоего имени, но не только как бы пользуясь тем, что они во мне видят христианина и священника, а потому что то, что я сказал, коренится глубоко в Твоем Евангелии, в Твоем слове.

С поклонением себе священник должен бороться все время, чтобы люди в нем не видели того, чего в нем нет. Надо, чтобы священники больше говорили о том, что их священство как бы «ограничивается» совершением таинств - если можно таким несовершенным словом выразиться - и что когда они совершают таинства, то совершаются таинства не ими, а Самим Богом, Христос является Тайносовершителем, Дух Святой является Тайносовершителем, как это сказано ясно в Литургии! И поэтому, да, я могу сказать с совершенной уверенностью, что слова, произносимые мною в Литургии, имеют божественную силу, потому что я только произношу их, а сила в них - Божия, я повторяю слова, которые Сам Христос нам передал. А в

других областях я могу выражаться с совершенной честностью, но не могу сказать, что это Божия воля или Божие представление о вещах.

- Какой смысл Вы вкладываете в понятие послушания, когда речь идет о взаимоотношениях между духовным отцом и духовным чадом в приходской, а не в монастырской практике?

- Я хотел бы, чтобы повторяли людям все время, что послушание не заключается в том, чтобы раболепно исполнять приказания священника, даже если они подаются в форме советов. Послушание - от слова «слушание», и цель послушания - научить человека оторваться от собственных мыслей, от собственного отношения к вещам и вслушиваться в то, что говорит ему другой человек. Здесь начинается послушание, и оно относится не только к церковной практике, но ко всем взаимоотношениям между людьми.

Большей частью, когда с нами говорит человек, мы его почти не слушаем, потому что, пока он говорит, мы готовим ответ на его слова. Вот тут начинается перевоспитание себя. Когда человек с тобой говорит, закрои свой ум ко всем собственным мыслям и вслушайся в его слова, вслушайся так, чтобы понять, как он их произносит, чтобы уловить тот смысл, который он вкладывает в эти слова, а не только звук. И только когда эти слова дойдут до твоего сознания, когда ты их поймешь, когда ты их воспримешь как свидетельство опыта или искания другого человека, только тогда можно открыть дверь в собственный ум, сердце, опыт и отозваться на них. Но пока человек с тобой говорит, надо только его слышать, а этого мы не умеем делать большей частью. Как я сказал, пока человек говорит, мы уже приготавливаем ответ и поэтому не слышим не то что слов его, не слышим того, что он хочет нам передать. Ибо очень часто слова неудовлетворительны, слова только отчасти передают то, что человек хочет выразить, а мы должны вслушаться.

Знаете, как бывает с песнью: слова могут быть просты, а мелодия захватывающая. И вот надо научиться так слушать другого человека, - всякого другого человека, а не только духовника, - как ты слушаешь песнь. Слова выражают истинно, правдиво то, что они должны выразить, но их, как волна, несет мелодия. Если ты мелодию не слышишь, а слышишь только слова, то ты не воспримешь того, что заложено в них. Есть немецкое стихотворение, где говорится приблизительно следующее: Скажи, что такого заложено в маленькой песенке, что ты можешь так ее полюбить? - В ней заложено немного звучности, немного гармонии и целая душа... Перевод неточный, недостаточный, но ведь именно так надо нам относиться ко всякому человеку, который с нами говорит.

А когда говорит с нами духовный отец, то мы должны слышать его слова и за словами уловить глубину - или отсутствие глубины - его духовного опыта. Бывает так, что священник скажет что-то очень простое, что дойдет до твоей души и ее взорвет. А может быть так, что священник говорит от ума, повторяет то, что ему было сказано. Мне вспоминается один случай. Когда я был молодым детским руководителем, проф. Л. А. Зандер собрал преподавателей детской школы и детей и пригласил на показательный урок одного очень знаменитого проповедника в Париже, человека, который пленял всех взрослых, кто только его слышал. И этот проповедник, у которого не было опыта детской работы, дал примерный урок, который восхитил всех взрослых. Это было умно, утонченно, глубоко, истинно. Когда урок кончился, Лев Александрович поймал мальчика лет семи и его спрашивает: *«Ну, что ты думаешь об этом уроке?»* А мальчонка ему ответил страшные слова: *«Здорово занимательно было! Жалко только, что батя не верит в то, что говорит».* Это была неправда, но слова были настолько изысканные, тема была представлена настолько умственно удовлетворительно, что ребенок до души этого человека не дошел, ему показалось, что это пустые слова, медь звенящая. Это очень важно нам помнить, когда мы говорим с человеком или его слушаем.

С другой стороны, иногда человек говорит что-то очень простое, и эти слова доходят до такой глубины нашей души, что могут быть началом нашего обращения к Богу или перемены нашей жизни. Мне вспоминается один случай. Когда я был подростком, в Великую пятницу группа молодых людей собралась у Плащаницы помолиться с замечательным священником, ничем не примечательным, отцом Георгием Шумкиным. Он был человек удивительной

внутренней простоты, ничем не выдавался. Он долго стоял у Плащаницы, потом повернулся к нам, и мы увидели, что по всему его лицу струятся слезы; и он нам сказал: «Сегодня Христос умер за каждого из нас. Давайте плакать о том, что мы - причина Его смерти...», стал на колени, и мы заплакали. Эти слова дошли до нашей души. Ничего затейливого в них не было, - в них была истина, и мы ее услышали не от слов, а от того, как это было сказано, от лика этого священника, от слез его, от того, что других слов он не нашел перед Плащаницей.

Все это я говорю по поводу послушания, потому что послушание в первую очередь требует слышания. И мы должны научиться, когда кто-то говорит, особенно наш духовный отец, вслушиваться в его слова, и через его слова, через звук его голоса, через всю его личность воспринять тот духовный опыт, из которого рождаются эти слов. Если эти слова не рождаются из его духовного опыта, они могут быть истинными, но они нашу душу перевернуть не смогут, а если и смогут, то невзирая на то, что этот священник не сумел нам сам это передать.

В области монашества я читал много житий святых и читал какое-то количество духовной литературы. И меня поражает, что старец, духовный отец, игумен, наставник, пустынник из глубин своего опыта говорит нечто человеку, который ему ставит вопрос, или даже человеку, который вопроса ему и не ставил, но на которого он взглянул и почувствовал: ему надо это сказать. А иногда это не только слова, которые открывают нам понимание, это указание: *«Сделай то-то…»*. Сделай то-то, потому что если ты не сделаешь, а будешь только размышлять и переживать, то ты никогда не сдвинешься с места. И вот даже монастырское послушание заключается в том, чтобы избрать духовника, с которым ты созвучен, который тебя может глубоко в Боге полюбить и которого ты можешь воспринять как человека, который тебе дан от Бога.

Я осмелюсь дать пример из своей жизни. Когда мне было лет семнадцать, я пошел на Трехсвятительское Подворье, единственный русский храм в Париже, который остался верным Московской Патриархии в то время. Я шел на всенощную, но так или сяк на нее опоздал полностью, богослужение отошло. Оно происходило в подвальном помещении; я остановился у двери и вижу, как поднимается по деревянной лестнице монах. Я на него взглянул, и в нем была такая абсолютная внутренняя собранность, сосредоточенность, такой покой, что я к нему подошел и сказал: *«Я не знаю, кто вы, но я вас прошу: станьте моим духовным отцом»*. Я никогда не пожалел об этом. Он мне послушания не давал; он жил духовной жизнью, он жил глубинной какой-то жизнью и отвечал на мои вопросы на исповеди коротко, просто, ясно, незатейливо. Но у меня было всегда впечатление, чувство, что он - как большой корабль, который идет по морю, а я - маленькая лодочка, которая длинным канатом привязана к этому кораблю. Он далеко-далеко зашел, я еще не приблизился к тому месту, где он побывал, но он меня за собой влечет. Вот в этом было послушание, потому что он приказов не давал, он делился своей жизнью, своей душой, своей молитвой.

И перед его смертью Господь нам как бы доказал, кто он был. Он болел и написал мне короткое письмо, где говорил: *«Я познал тайну созерцательного молчания, я могу теперь умереть»*. У него был удар, и на третий день он умер. Послушание ему не заключалось в том, чтобы исполнять приказы, а в том, чтобы всем существом вслушиваться в его жизнь, в его душу, в глубины, которые раскрывались, - Божий глубины, которые раскрывались в его глубинах.

И когда речь идет о взаимоотношении духовника в приходе с духовными детьми, большей частью он может им давать конкретные советы о том, как молиться, как достигать трезвости, как достигать чистоты сердца и чистоты плоти и т. д. Он может дать конкретные советы, и этим советам надо следовать. Но сам духовник должен быть очень и очень осторожен в том, что он советует, потому что порой духовник не знает обстановки жизни данного человека и может дать такой совет, который неисполним. Я помню одного человека, который ко мне пришел и сказал: «Что мне делать? Я преподаю в университете литературу; я был на исповеди, и духовник мне сказал отныне больше не читать никакой светской литературы. Что мне делать?!» Я на это ответил, что поговорю с духовником, и тот отменил свое решение, потому что это было безумное решение. И можно было бы привести множество таких случаев, - у меня их накопилась бездна сейчас, - когда духовник говорит теоретически, говорит и не от собственного опыта, и не от духовной истины.

Взаимное отношение духовника с духовным чадом заключается в том, чтобы духовник глубоко вглядывался в эту душу, вслушивался в эту душу, старался эту душу понять и никогда не говорил ничего, что до конца не продумано и может оказаться соблазном.

Беседовал иеромонах Иларион (Алфеев)

Приложение

Определение Священного Синода

В заседании Священного Синода 28 декабря 1998 года под председательством Патриарха.

СЛУШАЛИ: 3. Рапорт Преосвященного епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона о назначениях в монашеских обителях.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Утвердить архимандрита Клавдиана (Ларькова) настоятелем Преображенского мужского монастыря г. Каменск-Уральского, Свердловской области (монастырь открыт постановлением Священного Синода от 9 июня 1998 г .).

II. Утвердить иеромонаха Алексия (Орлова) настоятелем Казанского мужского монастыря г. Нижнего Тагила, Свердловской области (монастырь открыт постановлением Священного Синода от 9 июня 1998 г .).

III. Утвердить монахиню Кириллу (Суворову) настоятельницей Скорбященского женского монастыря г. Нижнего Талига, Свердловской области (монастырь открыт постановлением Священного Синода от 9 июня 1998 г .).

В заседании Священного Синода 29 декабря 1998 года под председательством Патриарха

ИМЕЛИ СУЖДЕНИЕ об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью *«вязать и решать» (Мф. 18, 18).*

Справка:

В последнее время участились случаи злоупотреблений в духовнической практике, негативно сказывающиеся на состоянии церковной жизни. Некоторые священнослужители, получившие от Бога в Таинстве Священства право на духовное руководство паствой, считают, что такое право означает безраздельную власть над душами людей. Не памятуя о том, что отношения между духовником и духовными чадами должны строиться на основе взаимного уважения и доверия, таковые пастыри переносят сугубо монашеское понятие беспрекословного подчинения послушника старцу на взаимоотношения между мирянином и его духовным отцом, вторгаются во внутренние вопросы личной и семейной жизни прихожан, подчиняют себе пасомых, забывая о богоданной свободы, к которой призваны все христиане (Гал. 5,13). Подобные недопустимые методы духовного руководства в некоторых случаях оборачиваются трагедией для пасомого, который свое несогласие с духовником переносит на Церковь. Такие люди покидают Православную Церковь и нередко становятся легкой добычей сектантов.

Некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме. Случается, что духовник настаивает на расторжении брака между супругами, когда один из супругов не принадлежит к православной вере. Иные монашествующие духовники запрещают своим духовным чадам вступление в брак и принуждают их к принятию монашества на том основании, что монашество якобы выше брака. Некоторые пастыри - духовники не допускают к причастию лиц, живущих в «невенчанном» браке, отождествляя такой брак с блудом; запрещают своим духовным чадам вступление во второй брак на том основании, что второй брак чтобы осуждается Церковью; запрещают супружеским парам развод в том случае, что в силу тех или иных обстоятельств семейная жизнь становится для супругов невозможной.

Имеют место случаи, когда пастырь «не благословляет» тому или иному из своих прихожан жениться или выйти замуж по любви, но предлагает «по послушанию» вступить в брак с лицом, рекомендованном самим пастырем.

Также имеют место случаи, когда пастырь запрещает пасомым обращаться за медицинской помощью, препятствует исполнению пасомыми своих гражданских обязанностей - участию в выборах, службе в вооруженных силах. Некоторые пастыри навязывают пасомым те или иные политические взгляды. Иные духовники считают учебу в светских учебных заведениях «ненужной» или вредной для спасения. Подобные требования не только нарушают право каждого христианина на принятие самостоятельных решений, но и входит в противоречие с действующим законодательством.

Участились случаи создания теми или иными пастырями таких церковных общин, в которых жизнь строится на авторитете самого пастыря, подкрепляемом негативном отношением к церковному Священноначалию, а также к другим пастырям и приходским общинам. Таковые пастыри забыли о том, что их задача - вести людей к Богу, а не группировать прихожан вокруг самих себя. В подобного рода приходах создается атмосфера собственной исключительности, несовместимая с духом соборности, на которой зиждется Православная Церковь.

ПОСТАНОВИЛИ: 1) Имею в виду участившиеся жалобы мирян на канонически неоправданные действия отдельных пастырей, указать священникам, несущим духовническое служение на недопустимость принуждения или склонения пасомых, вопреки их воле, к следующим действиям и решениям: принятию монашества; несению какого-либо церковного послушания; внесению каких-либо пожертвований; вступлению в брак; разводу или отказу от вступления в брак, за исключением случаев, когда брак невозможен по каноническим причинам; отказу от супружеской жизни в браке; отказу от воинского служения; отказу от участия в выборах или от исполнения иных гражданских обязанностей; отказу от получения медицинской помощи, отказу от получения образования; трудоустройству или перемене места работы; изменению местожительства.

2) Напомнить всем пастырям Русской Православной Церкви, несущим духовническое служение о необходимости в духовнической практике строго следовать букве и духу Священного Писания и Священного Предания Православной Церкви, заветам Святых Отцов и каноническим установлениям, а также о недопустимости для православных пастырей вводить в духовническую практику какие-либо нравственные и иные требования, выходящие за рамки предписанного означенными установлениями, и по слову Спасителя, «возлагать на людей бремена неудобоносимые» (Лк. 11,46).

3) Напомнить всем пастырям-духовникам о том, что они призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина. Подчеркнуть, что беспрекословное послушание, на котором основывается отношение послушника к старцу в монастырях, не может в полной мере применяться в приходской практике во взаимоотношениях между священником и его паствой. Особо указать на недопустимость для пастырей вмешиваться в вопросы, связанные с выбором жениха или невесты кем-либо из их пасомых, за исключением случаев, когда пасомые просят конкретного совета.

4) Подчеркнуть недопустимость негативного или высокомерного отношения к браку, напомнив всем священнослужителям правило 1-е Гангрского Собора: «Аще кто порицает брак и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, гнушается, или порицает оную, яко не могущую внити в Царствие, да будет под клятвою». Особо подчеркнуть, что принятие монашества является делом личного выбора христианина, и не может совершиться «по послушанию» тому или иному духовнику.

5) Напомнить монашествующим о недопустимости, согласно правилу 21-му Гангрского Собора, «принимать подвижничество в повод гордости», «превозноситься над живущими просто» (т. е. состоящими в браке) не «вопреки Писаниям и церковным правилам вводить новости». Правило 10-е того же собора гласит: *«Аще кто из девствующих ради Господа будет превозноситися, над бракосочетавшимися, да будет под клятвою».*

6) Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку, а также к такому браку, в

котором лишь одна из сторон принадлежит к православной вере, в соответствии со словами святого апостола Павла: *«Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» (1 Кор. 7.14).*

7) Напомнить пастырям о том, что в своем отношении ко второму браку Православная Церковь руководствуется словами апостола Павла: *«Соединен ли ты с женою? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит... Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе» (1 Кор. 7, 27-28; 39).*

8) Напомнить пастырям о необходимости соблюдения особого целомудрия и особой пастырской осторожности при обсуждении с пасомыми вопросов, связанных с теми или иными аспектами их семейной жизни.

9) Особо указать на недопустимость для пастырей создания вокруг себя таких общин, в которых имеет место оппозиционное и критическое отношение как к высшему церковному руководству, так и к другим пастырям и приходским общинам.

10) Подчеркнуть недопустимость использования церковного амвона для проповеди тех или иных политических взглядов.

11) Призвать епархиальных Преосвященных обратить особое внимание на то, как пастырями вверенных им епархий осуществляется духовное окормление паствы. Усилить надзор за строгим соблюдением пастырями установлений и норм Православной Церкви, касающихся различных аспектов духовнической практики.

12) Призвать верующих Православной Церкви обращаться к своему правящему архиерею во всех случаях, когда пастырь-духовник превысил данную ему Богом власть «вязать и решать». Напомнить православной пастве о том, что советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению Святых Отцов и каноническим установлениям Православной Церкви: в случае расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним. В связи с этим обратить внимание на слова преподобного Симеона Нового Богослова о том, как должны строиться отношения между духовным чадом и духовником: *«Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе бесстрастного и святого руководителя. Также и сам исследуй Божественные Писания, особенно же практические сочинения Святых Отцов, сравнивая с ними то, чему учит тебя учитель и предстоятель, ты смог видеть это, как в зеркале, и сопоставлять, и согласное с Божественными Писаниями принимать внутрь и удерживать в мысли, а ложное и чуждое выявлять и отбрасывать, чтобы не прельститься. Ибо знай, что много в эти дни стало прельстителей и лжеучителей».*

13) Епархиальным Преосвященным довести настоящее постановление до сведения священнослужителей, монашествующих и мирян Русской Православной Церкви.